

Валентина Ивановна Королькова:

... Папа воевал на Украинском фронте, мы с мамой и братом остались в Ульяновске, по месту его довоенной службы. Первая бомбежка была ночью. Запомнилась навсегда. У нас, как и у всех, была черная радиотарелка, и по ней объявили: «Внимание, внимание! Воздушная тревога!» Выла сирена. Мама нас с братом одела, и мы побежали на плац. На плацу ещё в мирное время курсанты рыли окопы, траншеи – тренировались. В эти самые траншеи мы все и спрятались. Я была совсем маленькой и ничего ещё не понимала, поэтому мне было совсем не страшно, а даже интересно. Я видела, как прожектор мечется по небу, слышала, как стреляют зенитки. Когда мы вылезли из окопов после отбоя этой тревоги, взрослые так радовались, что один офицер даже схватил меня на руки и подбросил в воздух. Все кричали: «Ура! Ура! Немцев отогнали, и все остались живы!» Потом налеты стали частью нашей жизни. Тем не менее, за всю войну немцы так и не сумели взорвать ни мост, ни завод. Все их бомбы падали в Волгу, наши зенитчики им воли не давали... Сначала мы бегали в окопы во время бомбежки, а потом привыкли, и мама перестала нас будить - решила, что если уж бомба попадет, то, значит, такая судьба. Тем более холода настали. А потом уж немцы перестали летать - в Москве наладили оборону, и их сюда не пропускали. Позже мост несколько раз пытались взорвать диверсанты. Но тоже неудачно.

В нашем военном городке было свое подсобное хозяйство. Выращивали картошку, капусту, морковь, свеклу для офицерской и курсантской столовых. В этом подсобном хозяйстве работали, как правило, жены офицеров, в том числе моя мама - другой работы просто не было. Овощи не только поставлялись в столовую, но и служили «зарплатой» таким работникам. Но были большие трудности с продовольствием, которое выдавалось по карточкам, – с хлебом, маслом, сахаром. Молоко для детей можно было купить только на рынке. Продавали его очень интересно - замораживали в тарелках и получившиеся «кружки» заворачивали в тряпочки.

На рынке все стоило очень дорого, поэтому нередко прибегали к обмену. Самыми ходовыми товарами для обмена были, конечно, мыло, махорка, соль и спички. За соль можно было купить все. Мама моя, украинка, очень хорошо умела шить и вышивать. И она из простыней мастерилла блузки и меняла их на молоко. В детском саду нас, конечно, кормили обедом, но он был жиденький: пустой супчик или пустые щи. А если уж повара варили какую-нибудь кость с мясом, то даже не снимали пену. Так с пеной мы и ели.

И хлеба давали очень мало. А завтракали и ужинали мы дома. В основном, картошкой и капустой.

Однажды мы с подружкой пошли к её маме. Она работала в офицерской столовой. И она нам вынесла по две горячих картошки. И торопила: «Ешьте, ешьте скорее!» Потому что если бы кто-нибудь увидел, её бы посадили в тюрьму за это. Такие были строгие законы в то время. И я подавилась. Мама подруги стала хлопать меня по спине. Еле спасла. Тот страх, застрявший в горле, остался на всю жизнь. С тех пор я всегда очень тщательно пережевываю пищу.

Был и другой случай. Около учебного корпуса курсантов находилась спортивная площадка. Там стояли столбы с перекладинами, висели на крюках шест, кольца и канат. И мы очень любили кататься на этом канате: делали узел, садились и раскачивались. К этому канату все время выстраивалась очередь. И вот один мальчишка, которому она не понравилась, сказал, что он сейчас канат снимет, чтобы мы не могли кататься. Так и сделал – залез и снял. А ведь канат с крюком тяжелый! И он его не удержал. Канат упал и крюком разбил мне голову. В это время курсанты вышли покурить после занятий и услышали мои вопли. Прибежали, отнесли меня в санчасть. Это все потом рассказывали. Сама ничего не помню – я тогда потеряла сознание. Привели в чувство, голову перевязали. Курсанты отнесли меня домой на руках. Мама, чтобы меня как-то успокоить, отрезала кусок хлеба потолще и намазала его ещё довоенным засахаренным вареньем, - чтобы хоть чем-то порадовать. А я не могла рот открыть - больно. И я так рыдала – и не столько из-за боли, сколько из-за того, что не могла съесть этот хлеб с вареньем. Это же такое было лакомство по тем временам!

С одеждой сплошные проблемы. А дети, как выяснилось, растут быстро. Хорошо, что мама умела шить – она что-то всегда перекраивала, переделывала. Женщины организовали обмен детской одежды и обуви внутри военного городка. Если же, а это было редко, в военный магазин привозили не только еду, но и одежду, ее распределял между семьями штаб. Однажды мама ходила в штаб и просила «за» зимнее пальто для моего брата...

У нас с братом были какие-то игрушки, которые мы привезли ещё из Ленинграда, но они быстро вышли из строя. Новые брать было негде, и мы мастерили сами. Из тряпок шили кукол. Мальчишки вырезали из бумаги и дерева танки, солдатиков, кинжалы, автоматы. Этим и играли. После войны

появились немецкие «трофеи»). Одной девочке из нашего дома отец привез большую красивую немецкую куклу с закрывающимися глазами. И мы все ходили смотреть на нее. В руки не давали. Даже не знаю, играла ли этой куклой сама девочка, или нет. А у меня настоящей так и не было. После войны я пошла в школу, и мне сказали: «Какие тебе игрушки – учись, читай!» В общем, так в куклы и не поиграла. Думала, что, может быть, дочка у меня будет или внучка, но ничего подобного – сын и внуки...